

**СВЕДЕНИЯ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСКАХ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ***

В статье анализируются сведения по традиционной культуре жителей Барабинской степи, приведенные Д. Г. Мессершмидтом в путевом дневнике во время экспедиции в Сибирь на маршруте из Тары в Томск.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, татары, традиционная культура, Д. Г. Мессершмидт.

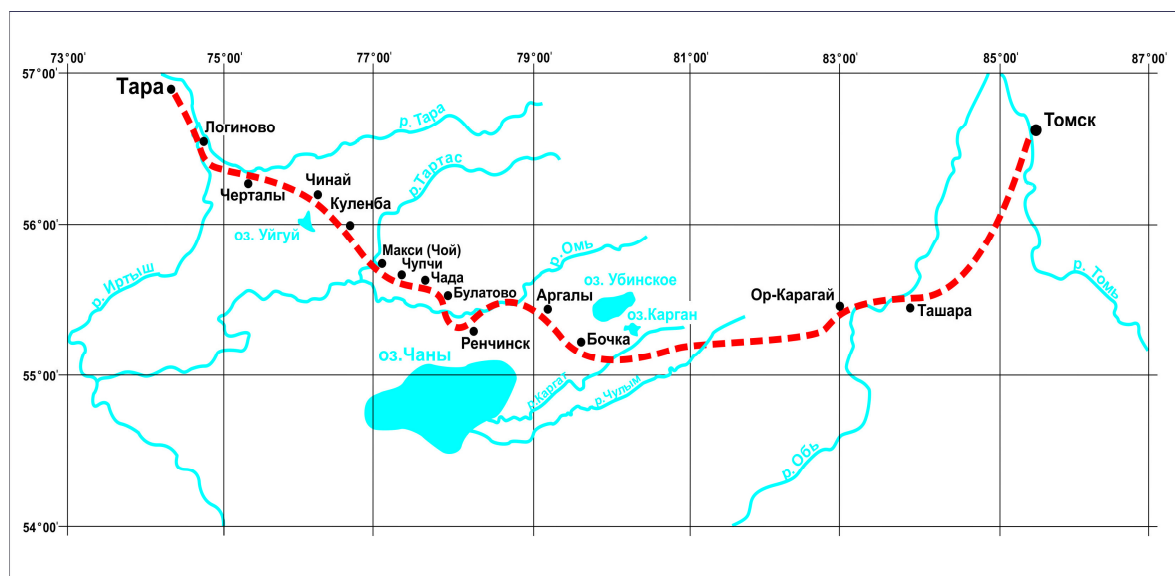
Восемнадцатый век – признанный этап важнейших открытий в Сибири. Экспедиции, побывавшие здесь в течение столетия, внесли существенный вклад в развитие многих научных направлений, в том числе, исторических наук. Двадцатые годы XVIII в. ознаменованы экспедицией Даниила Готлиба Мессершмидта, указ о которой был издан Петром I 15 ноября 1718 г. Ученому было предписано отправиться в Сибирь для собирания древностей и лекарственных растений [Новлянская, 1970. С. 13]. За время экспедиции им планомерно проводился сбор этнографического материала, составлялись коллекции различных предметов быта народов Сибири и делались зарисовки. На собственные средства он собрал богатую коллекцию одежды, оружия, культовых предметов бурят, эвенков (тунгусов) и хантов (остяков). Вернувшись в Петербург, путешественник сдал эту коллекцию в Кунсткамеру Академии наук. Она погибла в 1747 г. во время пожара [Борисенко, Худяков, 2005. С. 68].

Территория Барабинской лесостепи не раз становилась объектом внимания ученых. Одним из первых описал территорию степи Д. Г. Мессершмидт. Он зафиксировал и ис-

следовал расселение татар, особенности их жилища, одежды, хозяйственных занятий, промыслы, нравы, обычаи, религиозные представления, язык. Его экспедиционный отряд достиг этой территории (см. рисунок) к середине марта 1721 г.

Как сообщает ученый, в Барабинской степи проживало семь родов или семей, по их количеству степь разделялась на волости. Одна из них называется Tunusa и включает в себя 5 деревень или юртов – Ćinaj, Kulmet, Ćiĉigak, Izenbek и Šĉuka [Messerschmidt, 1962. S. 57]. Исторические источники, в самом деле, причисляют к барабинским территориям 7 областей – Тунусскую, Люблинскую, Турашскую, Чоинскую, Теренинскую, Карагатинскую и Барабинскую [Боронин, 2002. С. 26]. Интересно замечание Д. Г. Мессершмидта о том, что наименования деревень или юртов не были постоянными. Они могли меняться в зависимости от имени старейшего, или знатнейшего, или богатейшего человека, проживающего там. Когда он умирает, не оставив после себя наследника мужского пола, поселение также меняет название, получая имя человека, принимающего статус самого важного жителя. Таковым, например, является юрт Ćinaj, ко-

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Карта экспедиционного маршрута Д. Г. Мессершмидта по лесостепному району Западной Сибири (составлена по описанию, приведенному в путевых дневниках за март 1721 г.)

торый еще несколько лет назад назывался *Ѕiċigak* [Messerschmidt, 1962. S. 56–57]. Однако если вдова не выходит замуж вторично и имеет несовершеннолетних детей, которые впоследствии могут занять положение отца, то юрт сохраняет свое прежнее наименование или имеет двойное название [Ibid. S. 61]. Так, например, обстояло дело в юрте Макси (Махи), расположенном в 5 верстах от р. Тартас, который имел также и второе название Чой (Ѕoj), и где участники экспедиции смогли ознакомиться с процессом изготовления местной водки.

Ѕinaj является зимним поселением. На лето его жители отправляются на берег оз. Уйгур, в 20 верстах от Чиная (*Ѕinaj*). Вокруг озера разбиваются поля, где выращиваются овес и ячмень. В озере ловят карасей. А в соседнем озере *Taj-kul'* ловят также щук и плотву [Ibid. S. 57]. Таким образом, наблюдения Д. Г. Мессершмидта подтверждают, что хозяйственная деятельность барабинцев в первой четверти XVIII в. носила комплексный характер. Они занимались охотой, земледелием, рыбной ловлей. Однако же основой их хозяйственной деятельности было полукочевое скотоводство [Троицкая и др., 1980. С. 171].

Как сообщает Д. Г. Мессершмидт, барабинцы являлись двоеданцами. Они платили ясак русскому царю «по 3 красных лисицы с человека, и калмыцкому тайше – по 2». Ясак собирал их князь, которого на местном языке

называли «Gaut» [Messerschmidt, 1962. S. 57]. Действительно, в Барабе, так же как и в верховьях Енисея, в северных районах Алтая к 70-м гг. XVII в. установилось положение двоеданничества, с одной стороны – русскому царю, с другой – джунгарскому правителю. Жители Барабы должны были платить ясак пушниной, типичной для этой лесостепной полосы – лисами, бобрами, выдрами [Боронин, 2000. С. 58–59]. Д. Г. Мессершмидт отмечал, что живут они очень бедно. Их жилища представляют собой землянки, без окон, с округлым отверстием в крыше, через которое проходит свет. Через дымовую трубу выходит дым и гарь. Время от времени они подвергались нападениям со стороны казахов (*Kasachen-Norda*). Целыми семьями угонялись в плен. Но шанс вернуться домой у плененных все-таки был, например, путем обмена пленными [Messerschmidt, 1962. S. 57]. Д. Г. Мессершмидтом была отмечена особенность женщин носить в носу маленькие серебряные кольца. Местная жительница объяснила этот обычай медицинскими обеззараживающими свойствами серебра. Если этого не делать, то зачастую начинались процессы гниения [Ibid. S. 58].

Продвигаясь в юго-восточном направлении, экспедиция прибыла 14 марта в юрт Изенбек, где был описан небольшой флажок, приделанный на жилище – полотняный флажок белого цвета на копье. Под флагом висел на том же копье круглый ку-

сок березовой коры, смотанный в трубочку. Внутри нее помещались лоскут грубого холста, тряпочка пестрого ситца, 2 или 3 полотняных тряпочки. Д. Г. Мессершмидту объяснили, что хозяин этого жилища умер и был накануне похоронен, и это была жертва «шайтану», который живет в построенном для него доме в 3 днях пути от этого места. Этот «шайтан» представляет собой изображение «того, кто первым сошел с неба и сиял как солнце» [Ibid]. Здесь же Д. Г. Мессершмидт описал колесо от повозки, имеющее диаметр 2,3 м и сделанное из березы.

По наблюдениям Д. Г. Мессершмидта, религиозные верования барабинцев в рассматриваемый период отличались от верований магометанских татар. В одном из юртов под названием Куленба (Kulenba) Д. Г. Мессершмидтом был записан погребальный обряд и обычаи, предписывающие женам выполнять некоторые действия в связи со смертью мужа. «Неподалеку от леса делается яма в земле. Без особенных церемоний туда опускается тело, вместе с умершим кладется его колчан, стрелы, лук, котел, меч и все его вещи. Убивают его лучшую лошадь и тоже кладут в могилу» [Ibid. S. 59]. Судя по описанию Д. Г. Мессершмидта, речь идет о погребении барабинских татар, которые сложились как новое самостоятельное этнокультурное образование на территории Южной Сибири и Центральной Барабы в XIV в. из местного потчевашского и пришлого тюркского компонентов, что нашло свое отражение и в погребальной обрядности [Бараба..., 1988. С. 168–169]. Вдова после смерти мужа, чтобы не оказаться в бедственном положении, может выйти замуж за его младшего брата, что соответствует обычаям левирата, или за любого другого родственника, если такового нет.

Судя по дневниковым запискам Д. Г. Мессершмидта, его весьма заинтересовали религиозные представления и культы барабинских татар. В том же юрте Д. Г. Мессершмидт осмотрел множество идолов и других предметов культа. Среди прочих обратил на себя внимание один довольно большой, сделанный из ткани, барабан. Он был зарисован Карлом Шульманом. Среди изданных материалов этого рисунка нет, однако он был приведен ученым в рукописи «Siberia Perlustrata» и опубликован В. Ф. Гну-

чевой [1940. С. 29.] Как рассказали местные жители, эти идолы не посвящены каким-либо определенным богам – дождя, урожая и пр. Они принадлежали прежним насельникам этих мест. И когда они пришли на эти территории, они восприняли их, как свои, через них узнали о существовании великого бога, который создал небо и землю. А также о том, что их душа в этой жизни бывает здоровой или больной в зависимости от образа жизни. Место, куда попадают злые люди, они не знают [Messerschmidt, 1962. S. 59].

В юрте Чупчи (Їурҗи) Д. Г. Мессершмидтом был описан барабинский музыкальный струнный инструмент, напоминающий «гитару» с 3 струнами, оплетенными конским волосом, под которую исполняли горловое пение, «что не вызывало дискомфорта» [Ibid. S. 62]. Жилища в этом поселении были сделаны не из бруса или балок, как на предыдущих, а из голых палок, склеенных между собой клеом и соломой, как у каркасных конструкций. Деревушка Чупчи состояла примерно из 5–10 домиков или хижин, расстояние между которыми было приблизительно 5–10 аршин. Эти жилища располагались по кругу. Татарские поселения – юрты, обычно имели в плане форму звезды, но некоторые отличались иной планировкой [Ibid. S. 63].

На расстоянии одной версты от реки Юзаклы (Uzakly), которая впадает с юго-востока в Омь, в юрте Чада (Їада) К. Шульманом был скопировано культовое изображение – рисунок идола, сделанный на большом барабане. В этом же юрте Д. Г. Мессершмидту подарили фигурку маленького «шайтана». Такое поведение местных жителей удивило ученого и его спутников, «так как в предыдущем юрте нам отказались его отдать и даже продать, так как думали, что это навлечет на них несчастье и даже смерть» [Ibid]. В этом же поселении ему рассказали, что каждая семья имеет свое место погребения, где они умершего с лучшей лошадью хоронят и потом устанавливают столб над могилой.

В небольшом юрте Чунгар (Їунгар), расположенном на правом берегу Оми, Д. Г. Мессершмидт со слов местных жителей записал сведения о том, что барабинские татары, живущие около Тары и Ишима, называются «кунгурские». Как они считают, потому, что произошли от Кунгура [Ibid].

К 18 марта 1721 г. в путевых заметках относится описание традиции поминовения умерших родственников. В юрте Ренчинск (Renčinsk) участники экспедиции встретили старую женщину, у которой обе щеки были расцарапаны до крови. Она объяснила, что у нее недавно умер брат и она таким образом выражает траур. Согласно традиции, когда отец, мать, брат или дети умирают, то нужно первую неделю соблюдать траур и в это время расцарапывать себя до крови [Ibid. S. 65].

На следующий день Д. Г. Мессершмидту и его соратникам посчастливилось стать свидетелями еще одного обряда. Они заметили женщину, которая отправилась «по снегу через поле к березе. Мы наблюдали за ее походом и видели, что она опустила на одно колено, чтобы сесть. Мы пошли туда и увидели, что она тащила туда маленькие санки, на которых лежали сосуд, мешок с сухой крупой, рукавицы, шлем и топор умершего мужа, и кроме того кожаная сумка с брагой. На вопрос, что она делает, она ответила, что несет ему еду. Так как он ест это невидимо, то она вместе с родственниками приносит ту же еду, что они сами едят. Она ответила, что он умер недавней весной. На вопрос, почему она себя не расцарапывает до крови, как это делала другая женщина, она ответила, что это делается только первое время – 8 дней, 2 недели или 4 недели» [Ibid. S. 65–66]. Спустя несколько дней в юрте Бочка (Bochsa) Д. Г. Мессершмидт описал также обряд погребения детей. Неподалеку от юрта был установлен столб толщиной с туловище человека, возле которого стоял гроб с маленьким ребенком. Местный житель объяснил, что таких детей не хоронили по обычному обряду, «так как он еще слишком мал – у него еще не было зубов, он питался грудным молоком, не сделал и не сказал ничего дурного. Он стоит уже 8 лет или будет стоять так и дальше, пока не истлеет» [Ibid. S. 69]. Однако захоронения детей, известные на территории Брабинской лесостепи, могли выполняться по различным обрядам. Как установлено современными исследователями, на территории Тарского Прииртышья на памятнике Окунево 3 известны детские захоронения под курганами, не содержащие погребального инвентаря. В целом автором раскопок памятник был отнесен ко второй половине XVII в., однако он подчеркивает сохранение языческих тра-

диций на фоне исламского влияния в Тарском Прииртышье вплоть до начала XVIII в. [Могильников, 1997. С. 61].

Одежду местных жителей Д. Г. Мессершмидт охарактеризовал как «калмацкого типа». Мужчины носят сзади на спине длинные косы. На голове круглые, с подкладом отороченные тканевые шапки, на которые приделаны красные кисти из конского волоса или шелка. По его мнению, они одеваются очень плохо, неопрятно, грязно. «Редко встретишь человека, который одет в рубашку. Как правило, они одеты в тулуп или телогрейку на голое тело. Женщины носят более высокие шапки, на которые они наматывают кусок белой ткани, всегда такой грязный, как будто 3 или 4 недели не мылись, и такие имеют еще маленький очень старый лоскут, чтобы обматывать голову. Они носят две косы. Девушки ходят с обнаженным телом, носят по 4, 8 или больше кос вокруг головы. На тело они надевают, как и мужчины, мех или телогрейки. Оба пола носят штаны, в которых они ходят днем и спят ночью. Они снимают меха и спят голые среди старых одеял из овечьих шкур или что-то вроде того. На ногах они носят тапки из недубленной коровьей или бычьей кожи, хотя могут себе позволить купить и обувь из черной кожи. Не носят чулок ни летом, ни зимой, зато обматывают ногу старой тряпкой. Дети бегают все голышом, а если нужно пользуются или старым тулупчиком или таким же старым одеялом». Кроме того, Д. Г. Мессершмидт обратил внимание на то, что «эти татары совсем запаршивлены», пользуются, вероятно, плохой водой. Рацион достаточно скуден, они не едят масла, живут только на рыбе, которую не солят совсем или очень мало» [Messerschmidt, 1962. S. 66].

Продвигаясь далее в юго-восточном направлении, экспедиционный отряд достиг юрта Аргалы (Argalu), где участники экспедиции смогли присутствовать на шаманском камлании. Молодой шаман сам обратился к Д. Г. Мессершмидту с предложением провести обряд. У него был шаманский бубен, в который был вделан деревянный идол, «одетый в тряпье». Прежде чем начать обряд, шаман попросил курительную трубку. После того как он это получил, сел спиной и начал водить колотушкой по бубну и тихо бормотать.левой рукой он держал идола, который прикреплен в бубне. В процессе камлания он предложил Д. Г. Мессершмид-

ту задать какой-либо вопрос. Услышав его, он поднялся, «стал сильнее ударять в бубен, сильнее и сильнее кричать, подпрыгивать, прыгать вокруг, как сумасшедший, хватал рукой горячие угли, которые лежали в камине, и в целом был очень неистовый. Все это длилось четверть часа, потом он неожиданно застыл, посмотрел резко вверх, потом почти нараспев сказал, что у доктора 4 ребенка, один из которых умер, что он останется в Сибири на 7 лет. Еще сказал, что у нас, прежде чем мы пришли в Томск, захромала лошадь». Как заметил в своем дневнике Д. Г. Мессершмидт, «мы увидели, что он очень много говорит неправды» [Ibid. S. 67]. На вопрос, почему он так кричал, шаман ответил, что сначала он призывал «большого бога, потом сатану (шайтана)». Бог «живет на небе, выглядит как человек, сидит на золотом стуле, и у него ничего нет, кроме белого коня. Он блестит как солнце. Сатана – его слуга, которого он посылает то в землю, то в воду, то в воздух».

Согласно религиозным представлениям местного населения, после насильственной смерти люди попадают на небо к богу, остальные – к сатане. Когда они могут освободиться – шаман не знает. Если человек был слишком зол при жизни, остается с ним навсегда. Шаман рассказал также, что у каждого человека есть свой бог. У богатого и здорового – богатый и здоровый, у бедного и больного – бедный и больной. И так как на небе бедные и больные боги служат богатым и здоровым, то и здесь на земле бедные и больные люди должны служить богатым и здоровым. Кроме того неба, что люди могут видеть, есть еще другое, где живет главный бог [Ibid. S. 68].

В среде самих барабинских татар вопросы, касающиеся происхождения их народа, как записал Д. Г. Мессершмидт, не имеют точного разъяснения. В юрте Бочка была записана одна из историй, рассказанная представителем этого народа. Согласно ему, более ста лет назад они составляли один народ с остяками, даже говорили на их языке. Но так как они жили в окружении этнически «чистых» татар, со временем они позабыли свой родной язык. И их название «барабинцы» или «бараба» они получили среди остяков. Что это слово означает и почему они не зовутся «остяками», этот человек объяснить не смог. Он сказал также, что многие из представителей его народа больше года живут у оз. Чаны (Čana). Большинство ушли из Казахской орды. Остальные переселились на оз. Кугĉак, где живут и по сей день [Ibid].

Однако единства среди татарского населения Барабинской лесостепи на этот счет не было. Некоторые из татарских родов, например чатские (čatskie) татары, проживавшие в деревне Ор-Карагай (Or-Karagai) на левом берегу Оби, считали, что они произошли от хана Кучума. Они полагают, что Кучум проживал недалеко от их поселения в местечке Кабау (Kabau), после того, как русские изгнали его из Тобольска. Мало того, считая его потомком Чингис-хана, они и себя причисляют к таковым. Правда, объяснить происхождение их названия – «чатские» они Д. Г. Мессершмидту не смогли. Возможно, ответили ему, их название происходит от наименования полуострова Tzajt, который образовался в результате слияния двух рек и находится недалеко от Томска. Отсюда и их название – «Tzatski – Tschatski – Čatskie» [Ibid. S. 78]. Эти сведения представляют интерес, поскольку свидетельствуют о незавершенном к началу XVIII в. процессе этнической консолидации сибирских татар.

В юрте Бочка Д. Г. Мессершмидтом были записаны бытовавшие у барабинских татар представления о календаре. Согласно им, начало года барабинцы отсчитывают с момента, «когда выпадает первый снег, и длится до следующего снега». Месяца они тоже считают «на глаз». Сколько месяцев составляют год, информатор не знает. Барабинцы не отмечают начало года жертвоприношением или какими либо другими действиями или мероприятиями [Ibid. S. 69].

В целом, основываясь на собранных Д. Г. Мессершмидтом сведениях, исследователи этнической истории сибирских татар могут утверждать, что татарское население Барабинской лесостепи, имея ряд общих черт, в XVIII в. еще не было единым в области традиционной бытовой и духовной культуры, не имело единого представления о своем этническом происхождении и различалось в сфере верований и религиозных культов.

В ходе своего экспедиционного маршрута по лесостепной зоне Западной Сибири Д. С. Мессершмидтом была собрана коллекция предметов этнографической культуры и приобретены предметы из грабительских раскопок бугровщиков, а также осмотрены некоторые археологические памятники. В 4 верстах от р. Алабас, впадающей в Иртыш, в одной из русских деревень (Логоново) на левом берегу Иртыша он приобрел древний сосуд для питья из раскопок и тунгусское «опахало от комаров». В поселении Чупчи

Д. Г. Мессершмидт приобрел у местных жителей заинтересовавший его костяной наконечник стрелы [Ibid. S. 52, 63]. Утром 25 марта 1721 г. к Д. Г. Мессершмидту пришел местный крестьянин и принес 2 могильные золотые серьги на продажу. И хотя доктор их не купил, но спросил о других возможных вещах. Крестьянин ответил, что в дереве Орда на Оби есть человек, который «часто за могильным золотом ходит и у него есть изящная медная вещица – изображение божка». Кроме того, продвигаясь от Ор-Карагая по левому берегу Оби участниками экспедиционного отряда было отмечено много курганов. Через 4–5 верст после скопления курганов были зафиксированы защитные валы городка или крепости, о котором, вероятно, говорили жители Ор-Карагая как о временном местопребывании Кучума. По сведениям, собранным Д. Г. Мессершмидтом, «ишимцы – русские живущие по Оби – занимаются бугровщиством: промышленяют золотыми и серебряными предметами, которые находят в могилах. По последней снежной дороге отправляются они в степь или пустынное место на 20–30 дней пути. Собираются группой от 2 до 30 и более человек из близлежащих деревень. Делят между группами участки, на которых собираются искать, и отправляются каждая группа на свой, но не очень далеко друг от друга, чтобы в случае прихода казахов или калмыков они могли друг другу помочь. Когда они замечают такие могилы или скифские курганы, они их раскапывают и находят только медные, латунные или железные предметы. Но их усилия оплачиваются мало. Иногда находят они много золотых или серебряных предметов, среди которых узды, защитные накладки, изображения богов и другое, и это, бывает, составляет 6–7 фунтов и больше» [Ibid. S. 75, 76–77].

Изучение путевых заметок, сделанных Д. Г. Мессершмидтом во время своего путешествия, показывает, что они содержат важные этнографические наблюдения, которые позволяют дополнить имеющиеся представления о правовом положении, хозяйст-

венной деятельности, бытовых традициях, религиозных культах и заупокойной обрядности барабинских татар в начале XVIII в. Кроме того, из них можно почерпнуть и отдельные сведения по археологии данной территории.

Список литературы

Бараба в тюркское время / В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин и др. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Боронин О. В. Двоеданничество и двоеподданство коренных народов Южной и Юго-Западной Сибири как стабилизирующий фактор в международных отношениях в Центральной Азии в XVII – 60-х гг. XIX вв. // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 55–64.

Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири в XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 217 с.

Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук СССР в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 120 с.

Могильников В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 51–64.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Teil 1. 379 S.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2011

A. Yu. Borisenko

THE REDUCTION OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE TATAR POPULATION AND ARCHAEOLOGICAL SITES BARABA STEPPE IN A DIARY NOTED D. G. MESSERSHMIDT

The article analyzes information on traditional culture of the inhabitants of the steppe Baraba, given D. G. Messerschmitt in the travel diary during the expedition to Siberia en route from Tara to Tomsk.

Keywords: Baraba forest-steppe, tatars, traditional culture, D. G. Messerschmidt.